

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 19 В.
КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА ВЕНГРОВ

Иштван Феньвеши

(Fenyvesi István, Szeged)

1. Тема отражения национального имиджа венгров и Венгрии в русской литературе является одной из сквозных в исследовательских интересах автора. Ею отмечено почти полвека назад уже самое начало его профессиональных изысканий.¹ Подобно скрывающемуся под горной породой ручейку, она временами прорывалась через другие темы русско-венгерских связей на поверхность и выявляла большую силу и объем,² в последние же годы целиком заняла внимание пишущего эти строки: работая над осуществлением гранта *Два аспекта венгеро-русских литературных связей* (электронная база данных) 2: *Национальный имидж венгров в русской литературе 10–20 вв.* (FKFP № 0691/2000), мы концентрировали свои основные усилия на этом направлении поисков.

Хотя о теме в целом и о ее месте в ряду венгерских русистических студий (на материале других исторических периодов) уже были изложены наши мысли,³ нам представляется нeliшним хотя бы тезисное обобщение главных общих положений.

1.1. Русская литература уже к началу 19 в. выработала **разнонациональный аспект мышления**, в котором судьбы других народов органически входят в социально-исторический кругозор писателей и становятся частью решаемых ими общечеловеческих проблем.

Наиболее заметным в этой связи было присутствие темы Украины и украинцев, различных народов Поволжья и Кавказа, в течение многих веков проживающих бок о бок с русскими. Из зарубежных до начала 20 в. особенно распространенными были французские и немецкие, а несколько позднее – польские, чешские и болгарские образы, темы и мотивы. Венгры, хотя их

¹ Zalka Máté és szovjet író-kortársai // „Tiszatáj”. 1956/3. 186–192.; Zalka Máté és a szovjet irodalom. Bibliográfia // A Szegedi Tanárképző Főiskola Tud. Közleményei. 1964. 139–146. I.

² Венгерские темы и мотивы в советской литературе // Международный симпозиум «Интернациональный характер русской и советской литературы». Тезисы докладов. София, 1978. С. 79–81.; Венгерские темы, мотивы и образы в советской литературе // „Dissertationes Slavicae” Sectio Historiae Litterarum. 1982. (XV), С. 163–194.; К проблеме этномифа (К изучению венгерской темы в русской литературе 20 в.) // Русский язык и литература в общении народов мира. VII. конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов. М., 1990. Т. 2. С. 100.

³ Национальный имидж венгров в русской литературе (Создание электронной базы данных). Допетровский период // Русско-венгерские исторические встречи I. Средневековье. Szombathely, 2002.; Национальный имидж венгров в зеркале русской литературы 20 века // „Studia Slavica Savariensis” 1–2. 2002. С. 421–429.

присутствие в спорадических формах также было заметно с самых начальных пор, с *Повести временных лет*, в относительно массовых формах начинают появляться на страницах русской беллетристики только в 19 в.

При отражении исторических судеб своего народа и постановке вопросов общечеловеческого значения русская литература рассматривала проблемы, вызываемые национальной жизнью, со всесторонним учетом исторического опыта других наций. Именно поэтому она смогла оказаться принципиально открытой по отношению к их жизни, пожалуй, даже в большей мере, чем это можно сказать о других ведущих литературах Европы.

1.2. Наша тема обещает нечто принципиально новое по сравнению с теми представлениями о нас, которые приходится считать уже традиционными, а, главное, доминирующими в ряде литератур Западной Европы. Мы имеем в виду, в частности, нарисованное Шандором Экхардтом в его обобщающем труде *Зарубежный портрет венгров* «поверхностное представление, которое укоренилось в среднем человеке Запада» еще с позднего средневековья – мнение, согласно которому венгры это «чужеродное тело в Европе» и что они «без масла христианства и поныне были бы лишь тюркским племенем, кочующим где-то между „румынскими Альпами“ и Дунаем».⁴

1.3. Приходится признать немалое отставание венгерской русистики в разработке этой темы. Произведения русских писателей на польскую тему, напр., десятилетия назад были изданы в Польше в нескольких томах, а в Болгарии их тема освещена уже в монографиях. В вышедших в ФРГ 5 томах серии «Запад и Восток в зеркале друг друга» (о немцах и русских) охвачен материал от 9 до начала 20 века.

Правда, по сравнению с тем, что, обобщая результаты исследования темы «венгерские элементы в мировой литературе», коложварский литературовед Лайош Дьёрдь в начале 20-х годов еще вынужден был констатировать, что «в столь авторитетной русской литературе никакие венгерские моменты не обнаружены»,⁵ за последние полвека уже немало сделано нашими учеными. Наряду с историками ценный вклад внесли в это дело и филологи, особенно на древнерусском материале.

1.4. Время, однако, требует уже большего. Нашей Академией наук в 1999 году была проведена конференция на тему «Национальный имидж венгров и его изменения в истории». В ее материалах, изданных в серии «Стратегические исследования»,⁶ обращает на себя внимание курьезный, но скорее грустно-характерный факт: в охватывающем почти всю Европу обзоре Россия и русские упомянуты лишь в одной-единственной фразе вводного доклада академика Ф. Патаки, причем это не из-за объективного отсутствия таких

⁴ Eckhardt S. *A magyarság külöldi arcképe* // *Mi a magyar?* (Szerk. Szekfű Gy.) Bp., 1939. 130, 134. I.

⁵ György L. *Magyar elemek a világirodalomban* // Minerva. Cluj-Kolozsvár, 1924. 40. I.

⁶ *Magyarságkép és történelmi változásai*. Bp., 1999.

материалов, а единственно вследствие их несобранности, неизвестности для научной общественности.

Наше исследование под названием *Национальный имидж венгров в русской литературе 10–21 вв.* проводится в духе конференции, но не в прямой зависимости от нее. В его рамках за истекшие годы был проделан немалый объем работ а) по выявлению первичных фактов (число названий произведений приближается к 1600), б) эти факты введены в электронную библиографическую базу, которая систематизирует (и, следовательно, по требованию «выдает») интересующие нас данные в их историческом или алфавитном ряду в следующих аспектах: хронология написания, тема, изображаемое время, русский автор, венгерский переводчик, время и место публикации, жанр и т. д.

2. В нашем кратком тематическом обзоре произведения указанного в заголовке периода мы делим на две неравные по объему группы.

2.1. В первую входят произведения типа *non fiction*: в их основе лежит лично пережитое авторами в Венгрии или же благодаря знакомству, со-прикосновению с венграми в России или вне ее.

2.1.1. Число русских, побывавших в нашей стране в течение предыдущих столетий и оставивших литературный след, весьма невелико. Наиболее раннее свидетельство об этом – *Хождение на флорентийский собор 15 века*.⁷ Некоторые более поздние, относящиеся главным образом к 17 в., отмечены в трудах Лайоша Тарди и др.⁸

По сравнению с ними рассматриваемые нами полвека дают обильную пищу для разбора.

Первые три текста еще несколько выпадают из этой «ниши». Н. Надеждин в ходе своих путешествий 1840 года встречается с венграми, живущими в Бессарабии.⁹ Через нашу страну в составе армии великого полководца в 1799 году проходил «старик суворовский ратник» (его рассказ был опубликован лишь в 1844 г.).¹⁰ Побывавший в нашей стране во главе своих войск М. И. Кутузов оставил об этом небезынтересное письменное свидетельство.¹¹

Золтан Трочани свыше полувека назад еще мог сетовать на личное незнакомство русских с нашей страной¹² в течение столетий: к тому времени на венгерский был переведен лишь один итinerарий – кн. Демидова (см. ниже). За истекшие полвека трудами наших ученых был поднят обширный слой письменных свидетельств о путешествиях.

⁷ H.Tóth I. – Kristó Gy. *Orosz utazó a XV. századi Magyarországon* // „Történeti Szemle”. 1977/20. 142–145. I.

⁸ Tardy L. *Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon*. Bp., 1988.

⁹ Tardy L. *Nagyezsgyin a beszarábiai magyarokról* // Régi hírünk a világban. Bp., 1979. 103–108. I.

¹⁰ См. сноска 8, С. 15–16.

¹¹ Kovács E. *Magyar–orosz történelmi kapcsolatok*. Bp., 1956. 113–114. I.

¹² Trócsányi Z. *Két emlékírat*. Bp., 1949.

Бывший студент Геттингена А. И. Тургенев в своих письмах 1804 года описывает свои впечатления от страны, увиденной им за месяц пребывания.¹³ Это, в числе других, посещение гробницы дочери Павла I – жены палатинуса Александры Павловны, встречи с М. Эстерхази («венгерским Шереметьевым») и др.

Участник аустерлицкого сражения Ф. Н. Глинка в 1805–1806 гг. возвращался со своей армией через северную Венгрию.¹⁴ Его бытовые наблюдения (гг. Кашша, Бартфа, жизнь аристократов, женщины, венгерский язык и т. д.) сочетаются с описаниями природы (гор, Аггтелекской пещеры). 356–7.

В. В. Вяземский возвращается на родину со своим полком через Венгрию в 1808 г. В его неизданном дневнике (хранится в РГБ, б. Гос. Б-ка им. Ленина) описывается увиденное им в Буде и Пеште.¹⁵

Морской офицер В. Б. Броневский сражался против турок на Средиземном море. После заключения мира он со своей частью возвращается домой сушей (моряки пешком, он – на буйволах). В *Путешествии от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году*, кстати, наиболее обширном из всех рассматриваемых здесь, он дает богатейший свод наблюдений пейзажа, быта и духовной жизни страны. В частности, он описывает Балатон, Эгер и Токай, корону и пештский университет, ярмарки и бани Буды и многое другое.¹⁶

Адъютант Кутузова, участник крупнейших сражений 1813–14 гг. А. М. Михайловский-Данилевский провел в Венгрии два дня в октябре 1814 г. в свите Александра I. В его описании оживают в основном сцены приемов в высшем свете.¹⁷ Небезынтересны также описания горы Геллерт и сбора винограда на острове Маргит.

Ученый с широким кругозором П. И. Кеппен был в Венгрии в 1822 г. Это было частью его венской «командировки». Он побывал в городах Пожонь, Шопрон, Сомбатхей, Кестхей, всюду интересуясь древностями, посетил Балатон, послушал эхо в Тихане. В столице посетил Национальный музей и Аквинкум, встречался с учеными самых различных отраслей. Его интересы простираются от выведения шелковичных червей до литературы, от древневенгерской истории до славистики, от археологии до этнографии. Судя по записям, он знакомился и с бытом населения. Слушал игру Бихари.¹⁸ Возвратившись на родину, он в своих трудах много внимания уделял судьбе венгерского винограда в России.

Вместе с ним приехал и молодой ученый А. С. Березин, из записок которого, однако, нам известен лишь один отрывок (о гор. Зимоне).¹⁹

¹³ См. сноска 8, С. 54–66.

¹⁴ Там же. С. 67–92.

¹⁵ Там же. С. 18–19.

¹⁶ Там же. С. 93–156.

¹⁷ Там же. С. 157–164.

¹⁸ Там же. С. 165–185.

¹⁹ Там же. С. 26–27.

Пребывание в Венгрии в июле 1837 г. князя А. Н. Демидова, представлявшего Россию в тосканском королевстве, было связано с его поездкой из Вены в Одессу по Дунаю. В Пожоне он знакомился с работой сейма, пишет о реформаторской деятельности И. Сечени. Наибольшее внимание он уделяет описанию природы и быта.²⁰

Профessor Московского университета О. М. Бодянский приехал для изучения жизни здешних славян в 1839 г. Его впечатления о Буде и Пеште связаны с посещением университета, музея и библиотеки Ф. Сечени и встречей со слепым музыкантом Л. Фюреди.²¹

Известный лингвист И. И. Срезневский проводит в Пеште по неделе в 1841 и 1842 годах. Здесь он знакомится в основном с деятелями славянских культур. Побывал и в с. Юрём (Ürgöm), у гробницы Александры Павловны.²²

Последним из известных нам в настоящий момент побывал у нас профессор казанского (а впоследствии одесского) университета славист В. И. Григорович. Его приезды 1845 и 1846 годов посвящались изучению славянских языков и литератур в бывших еще в составе Османской империи болгарских и сербских землях – «Европейской Турции».²³

2.1.2. Не столь многочисленны, но не менее важны те свидетельства, которые восходят к личным знакомствам на территории самой России или даже вне ее.

Известно, в какое победоносное шествие по стране вылились гастроли Ференца Листа в сороковых годах. Из художественных произведений, посвященных ему, наиболее значительно стихотворение П. А. Вяземского *Листу* (1842).²⁴ В этом же ряду необходимо назвать и стихотворение К. К. Павловой *Женские слезы* (1843), положенное композитором на музыку.²⁵ В Одессе появился стихотворный отзыв даже на французском.²⁶ Под влиянием музыкальной фразы, написанной Листом в альбом сестры А. А. Фета, поэт написал стихотворение *Мелодия*.²⁷ К 1846 году относится первый восторженный отзыв И. С. Тургенева о Листе-пианисте.²⁸ В обозрении музыки 1847 года В. В. Стасов соединяет лично пережитое на концертах с высоким профессиональным мнением.²⁹

²⁰ Там же. С. 186–220.

²¹ Там же. С. 29–30.

²² Там же. С. 30–33.

²³ Там же. С. 34–35.

²⁴ П. А. Вяземский. *Листу* // Соч. в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 135.

²⁵ Várádi-Sternberg J. *Utak, találkozások, emberek*. Uzsgorod–Bp., 1974. 75. I.

²⁶ A. Chapellon. *List & Odessa* // „Journal d’Odessa”. 29 août/10 sept. № 69. p. 309–310.

²⁷ А. А. Фет. *Воспоминания*. М., 1983. С. 215.

²⁸ И. С. Тургенев. *Современные заметки* // Полн. собр. соч. в 28 т. М.–Л. 1960. Т. 14. С. 294.

²⁹ В. В. Стасов. *Музыкальное обозрение 1847 года* // Избр. соч. в 3 т. Т. 1. М., С. 10–11, 17–19.

Вяземский упоминает о жившем в Москве профессоре университета Ференце Керестури, который был домашним врачом в их семье.³⁰

О М. А. Балутьянском, достигшем из уехавших в Россию венгров наибольших служебных высот при Александре I и Николае I (профессор Санкт-Петербургского университета, сенатор, государственный секретарь и т. д.), подробный висхищенный отзыв дал в свое время П. Баранов.³¹

Лаконичен, но полон значения отзыв А. С. Грибоедова о бывшем венском лейбгвардии Дьерде Эммануеле, родом из Вершеца,³² ставшем в России Георгием Арсеньевичем – генерале от кавалерии, герое битвы при Лейпциге, а в описываемое время (1828) командующем русских войск на Кавказе: «Отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей».³³

Описанная в «*Одесском альманахе*» встреча В. К. с эстергомским епископом Ласло Пиркером содержит позитивную характеристику последнего.³⁴

Н. И. Греч вспоминает встреченных за время путешествия по Западной Европе венгров, в частности, их восхищенный отзыв об И. Сечени.³⁵

В письме к жене 1847 года Ф. И. Тютчев описывает свое пребывание в Бадене в обществе «своего приятеля» Дьёрдя Эстерхази.³⁶

В основанной А. С. Пушкиным «Литературной газете» была перепечатана заметка из нового французского альманаха, где описывалась игра в шахматы автомата Ф. Кемпелена.³⁷

3. Основной корпус рассматриваемых нами произведений относится к различным жанрам собственно художественной литературы. В наш обзор здесь включены а) произведения, повествующие вообще о Венгрии, б) разработка тем, ставших уже как бы стереотипными в национальном имидже венгров в предыдущие периоды, в) получившая острую злободневность тема венгерской революции 1848–49 гг.

3.1. Среди произведений, посвященных Венгрии вообще, сначала упомянем о стихотворении И. И. Козлова *Венгерский лес* (1820-е годы).³⁸ Это романтическая баллада о двух влюбленных, нашедших приют от преследующего их отца девушки «на Дунайских берегах», «в дремучих Венгрии лесах». Страна, в отличие от рассмотренных в 2.1.1. произведений, здесь лишена кон-

³⁰ П. А. Вяземский. *Автобиографическое введение*. См. сноску 24, Т. 2. С. 247.

³¹ Tardy L. *Balugyanszky Mihály*. Вр., 1954. 88. I.

³² Tardy L. *Emáuel György magyar testőr, a lípcsei csata orosz hőse* // „Hadtörténelmi közlemények”. 1964/1. 270–275. I.

³³ А. С. Грибоедов. *Письмо Ф. Булгарину* // Сочинения. М., 1953. С. 582.

³⁴ Fenyő I. *Reformkori irodalmunk az egykorú orosz saját tükrében*. Вр., 1959. 30–33. I.

³⁵ Н. И. Греч. *Путевые письма из Англии, Германии и Франции в трех частях*. СПб., 1839. Т. 1. С. 157. См. А. Холлош. *Этнонимы венгров в русском языке* // „*Studia Slavica Hung.*” 40. (1995) С. 303.

³⁶ Ф. И. Тютчев. *Соч. в 2 т.* М., 1984. Т. 2. С. 135.

³⁷ *Игра в шахматы автомата Кемпелена* // «Литературная газета». 1831. № 19. (1 апреля)

³⁸ И. И. Козлов. *Венгерский лес* // Полн. собр. соч. СПб., 1840. С. 84–94.

крайних примет, она представляется лишь образом чего-то далекого и прекрасного. Сюда же относим и сочинение *Сказ об Агее, короле угорском* (1847).³⁹

В произведениях, посвященных различным периодам нашей истории, страна обретает уже конкретно-временные очертания.

В исторической повести К. Н. Батюшкова *Предслава и Добрыня* (1810) описывается киевский двор Владимира, где в ристалищах среди витязей иностранных участвует и «храбрый Стефан Угорский».⁴⁰

В рассказе старого казака у А. Ф. Вельтмана приводится сказка о древних временах, когда угорский королевич вступает в (неудачный) поединок за обладание рукой холматской царевны с сыном болгарского короля. (*Коштетские скалы* (1840)).⁴¹

Известно, что Иштван Батори в качестве польского короля, воевавшего с Россией во времена Ивана Грозного, является одним из важнейших венгерских героев древнерусской литературы и фольклора. Его образ и в 19 веке продолжает занимать умы русских писателей в различных жанрах. Это стихотворение А. С. Хомякова *Тригорское* (1826),⁴² романы Е. Розена *Россия и Баторий* (1833)⁴³ и А. А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий (1843).⁴⁴

Показательно появление нескольких музыкальных произведений в первой четверти 19 в. на тему о борьбе куруцев – оперы А. Н. Титова *Имре Текели или венгры* (1807) и мелодрамы *Текели*, а также посвященных Ференцу Ракоци балета *Венгерская хижина или знаменитые ссыльные* (1817) и оперы *Славянская башня или знаменитые венгры* (1823).⁴⁵

Не лишены интереса упоминания Венгрии и венгров в форме политических параллелей в недавно изданных письмах и агентурных записках Ф. В. Булгарина в III отделение. Так, в связи с инцидентом в виленской гимназии, раздутом властями в политическое дело в 1828 г., он считает: такое может уподобить действующие лица врагам, следовательно, и жертвам режима («об нем станут говорить, что он будет солдатом или Бениовским в Сибири»).⁴⁶ В ряде записок конца 20-х годов, в виде рекомендаций правительству, он ссылается на статус Венгрии и Чехии в составе Австрии как на пример того, что «иностранные народы тогда только могут спокойно быть преданы престолу, когда сохраняют древнее название, законы и язык и пользуются тенью, призраком, декорацией народной самобытности».⁴⁷ К этой же

³⁹ Сказ об Агее, короле угорском. // Очерк литературной истории старших повестей и рассказов русских. Спб., 1847.

⁴⁰ К. Н. Батюшков. Избр. проза. М., 1987. С. 25.

⁴¹ А. Ф. Вельтман. Повести и рассказы. М., С. 198–199.

⁴² А. С. Хомяков. Тригорское // Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 220–227.

⁴³ Е. Розен. Россия и Баторий. М., 1833.

⁴⁴ А. А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий. М., 1843.

⁴⁵ Váradi-Sternberg J. Századok öröksége. Вр.–Uzsgorod, 1981. 100–101. I.

⁴⁶ В. Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 247.

⁴⁷ Там же. С. 350.

мысли он возвращается и в 1831 году: «Первым делом Австрии есть равнодущие к польским делам, а, как некоторые полагают, и надежда, что Царство Польское бросится в объятия Австрии с тем, чтобы присоединить к ней Галицию и управлять конституционно, отдельно, как Венгрией».⁴⁸

3.2.1. Первым из национальных стереотипов на русской (не только) литературной почве еще в 15–16 вв. возник мотив (токайского) вина.

Стихотворение (без указания фамилии автора) о «фалерной влаге из Токая»,⁴⁹ написанное, вероятно, в начале 19 века, было напечатано в статье о Венгрии, где это вино характеризовалось так: «Это королева лоз, патриарх виноградов».⁵⁰

В *Русской старине* приводилось свидетельство о том, что Петр I многим иностранным напиткам предпочитал именно венгерское вино.⁵¹ (Известна история его виноградника в Токаяе).⁵² Слова барона Брамбеуса о том, что «из венгерского мы знаем только женщин и вино»,⁵³ даже в свете уже сказанного кажется явной недооценкой.

В литературе нашего периода среди многочисленных упоминаний о токайском вине (напр., у О. М. Сомова и Н. М. Языкова)⁵⁴ особо ценные свидетельства двух писателей.

Скромный перечень своих желаний от жизни (*цветник, алтарь любви, два стула, хлеб-соль, ласки молодой жены*) П. А. Вяземский в 1823 г. заключает именно нашим вином: *В подвале – гость с холмов Токая, / Душистый вестник старины*.⁵⁵ И в другом месте он ставит его в один ряд с любовью: *Но еду ль в круг, где ум с фафошкой, / Где с дружбой ждет меня Токай, / Иль вдохновенье с женской ножкой, – / Катай-валяй!*⁵⁶

В письме об офицерском обеде в честь командующего кавалерийскими резервами генерала Кологривова в связи с его награждением орденом святого Владимира, доходя до описания вершинной точки настроения пира, Грибоедов переходит к стихам: *Когда ж при трубах, барабанах / Заскрилось шампанское в стаканах, / Венгерское густое полилось, Бургонское зарделось – У всякого лицо от нектара краснелось; Но стихотворец тут перо свое хоть брось.*⁵⁷

⁴⁸ Там же. С. 409.

⁴⁹ См. сноска 25, 60.

⁵⁰ Там же. С. 53.

⁵¹ *Об увеселениях русского двора при Петре I*. // Русская старина. Карманная книжка... на 1825 год. Репринтное изд. М., 1987. С. 78.

⁵² Tardy L. *A Tokaji Borvásáról Bizottság története (1723–1798)*. Sárospatak, 1963.

⁵³ Барон Брамбеус. *Очерки Венгрии* // «Библиотека для чтения». 1849. № 96. С. 35–36.

⁵⁴ О. М. Сомов. *Русалка* // О. М. Сомов. Были и небылицы. М., 1984. С. 137.; Н. М. Языков. *На смерть няни А. С. Пушкина* // Полн. собр. стихотворений. Л., 1964. С. 183.

⁵⁵ П. А. Вяземский. *Мои желания*. См. сноска 24, Т. 1. С. 26.

⁵⁶ См. сноска 24, Т. 1. С. 119.

⁵⁷ См. сноска 33, С. 360.

17-летний И. С. Тургенев отмечает чудодейственную (в буквальном смысле) силу старого венгерского вина.⁵⁸

3.2.2. Признания о неординарных воинских качествах венгров неоднократно встречаем в древнерусской литературе. В наш период, в уже упоминавшемся стихотворении Хомякова в адрес предводителя врагов – И. Батори звучит эта же оценка («побеждающий Стефан»).

Ее развивают дальше свидетельства двух известных литераторов-участников Отечественной войны 1812 года. Прославившаяся в боях как «кавалерист-девица» Н. А. Дурова с восхищением пишет о храбрости венгров.⁵⁹ Ценны в этом плане и показания о битве под Гродном поэта-партизана, друга Пушкина Д. В. Давыдова, который, согласно автохарактеристике, сам был «в душе гусар и любитель их напитка».⁶⁰

3.2.3. Популярность венгерской музыки особенно со временем государственных контактов 15 в. делала наши мелодии широко известными в России. В 19 в. находим многочисленные упоминания «венгерки» – танцевальной мелодии, а также самого чардаша (особенно после ставших широко известными *Венгерских танцев* Брамса). Укажем хотя бы на рассказ Фета *Дядюшка и двоюродный братец*, изображающий провинциальное дворянство середины века.⁶¹

3.3. Венгерская революция 1848–49 гг. произвела непредвиденно большое потрясение и поляризацию в русском обществе. Ее литературные предчувствия можно найти задолго до самих событий.

Мысль, высказанную Булгариным еще в 1846 году, можно назвать уже их предвестием. Из анализа общественных настроений в Польше (а это всегда было главной сферой его интересов, и, вероятно, его служебных заданий) он делает заключение: «по всей Польше бунты и заговоры», питающиеся огнем, который «тлеет теперь в Германии: в Пруссии и Австрии.» Уточнение «искры брошены из Кенигсберга, Кельна и из Венгрии» явно намекает на усиление настроений реформ в дворянском сейме страны. Вывод: «Польша взбунтована Германией и Венгрией и в Пруссии что-то готовится недобroе.»⁶²

Вести о событиях в Европе в 1848 году К. К. Павлова встречает с уверенностью: *Авось пойдет Европе впрок / Ее сердитая тревога!*⁶³

Ф. И. Тютчев на революционные события в Западной Европе откликнулся стихотворением *Море и утес* (1848). Выведенные в заголовок образы

⁵⁸ И. С. Тургенев. *Наброски автобиографии* // Полн. собр. соч. в 30 т. М., 1978. Соч. Т. 1. С. 401.

⁵⁹ Н. А. Дурова. *Записки кавалерист-девицы* // «Современник». Т. 1–4. СПб. Репринтное изд. 1987. Т. 2. С. 63.

⁶⁰ Д. В. Давыдов. *Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова* // Стихотворения. Л., 1984. С. 127, 228.

⁶¹ А. А. Фет. *Стихотворения, проза, письма*. М., 1988. С. 209.

⁶² См. сноску 46, С. 487.

⁶³ К. К. Павлова. *К С.К.Н.* // Полн. собр. стихотворений. М.–Л. 1964. С. 59.

символизируют стихию революции и мощь самодержавной России.⁶⁴ Известно: будучи посланником России в Баварии, это он первым предложил правительству, в своей служебной записке, вооруженное вмешательство в ход нашей революции.⁶⁵

После царского манифеста 28 апреля 1849 года консервативная часть столичных литераторов спешила выразить безусловную поддержку политики своего правительства. Так, Булгарин назвал войну против Венгрии «священной», Греч сравнил ее с войной 1812 года. Ее прославляли в стихах литераторы с совершенно забытыми ныне именами вроде Половцева (*Глагол времен*) и Ненаковича (*К победам в Венгрии*).⁶⁶

Славянофилы (Погодин, Хомяков, Аксаков) одобряли интервенцию, считая, что в результате ее наступит улучшение положения славянских народов в Венгрии.⁶⁷

Описание некоторых черт венгерского языка мы находим в справке, изданной Генштабом для ознакомления войск с ситуацией в Венгрии.⁶⁸

Узнав об одном, как тогда сообщили, выигранном И. Ф. Паскевичем сражении, И. С. Тургенев однозначно заявляет: «У чувствующего человека лишь одна родина – демократия, и победа русских наносит смертельный удар по демократии.»⁶⁹

Н. Г. Чернышевский с живейшим интересом следит за ходом венгерской революции. Вскоре после манифеста в беседе со своим учителем И. И. Срезневским он выступает в защиту Кошута. В середине июля пишет: «Я друг венгров, и желаю поражение русских, и для этого многим готов пожертвовать.»⁷⁰

В 1848 г. П. Я. Чаадаев готовит проект прокламации к крестьянам, где пишет: «ваши братья как один человек восстали против своего монарха».⁷¹ В письме после вилагошской капитуляции он иронически пишет об одобрявшем интервенцию Хомякове.⁷²

Два стихотворения Н. П. Огарева как бы обрамляют события и их оценку, данную поэтом. В *Упоминании. Год 1848* (апрель) он под воздействием вестей о революции в Германии размышляет о рождении нового мира и вы-

⁶⁴ Ф. И. Тютчев. Соч. в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 118.

⁶⁵ Ф. И. Тютчев. Россия и революция // Русский архив. 1873. С. 812–813.

⁶⁶ См. сноска 45, С. 164–165.

⁶⁷ Там же. С. 165–167.

⁶⁸ Fenyvesi I. Egy 1849-es orosz dokumentum a magyar nyelvről // „Magyar Nyelvőr”. 1999. ápr.–jún. 239–241. I.

⁶⁹ И. С. Тургенев. Письмо к П. Виардо. 6 июля 1849. // Полн. собр. соч. Письма. Т. 2. М.–Л., 1961.

⁷⁰ См. сноска 45, С. 174–176.

⁷¹ Там же. С. 172.

⁷² П. Я. Чаадаев. Статьи и письма. Л., 1987. С. 296–287.

ражает свою веру: Россия также пойдет «неведомой дорогой».⁷³ А *1849 год* (осень) уже констатирует «победу дряхлой власти».⁷⁴

В честь «усмирения Венгрии и Трансильвании» Николай I велел отчеканить памятную медаль ее участникам.⁷⁵ С историей медали связаны два ироничных анекдота.⁷⁶

4. В заключение рассмотрим «венгерские следы» в творчестве трех крупнейших писателей первой половины 19 века.

4.1. *История государства российского* М. Н. Карамзина по самому характеру работы содержит сотни упоминаний венгров и Венгрии. Здесь нас, естественно, интересует не историографический аспект произведения – описания конкретных событий и их оценки. Мы остановимся лишь на отдельных местах, выраждающих общее отношение автора к нашей стране, нашему народу.

Отметим прежде всего, что именно через Карамзина стал у нас известен историографический новум о топониме в Киеве, связанном с нашими предками: «место угорское».⁷⁷

Это Карамзин донес до нас и через нас – до Европы и принятые у древних русских названия «черных и белых угрев».⁷⁸

Он дает, в связи с происхождением венгров, свое определение их народного характера в сравнении с финнами.⁷⁹

В числе нечастых в тексте *Истории...* художественных вставок ценно обнаруженное до сих пор лишь здесь стихотворение о Ференце Сечени, сложенное карпато-россами и приведенное по сочинению Я. Орлай.⁸⁰

Карамзин первым поведал Европе и о Моисее Угрине.⁸¹

Отметим пристальное внимание Карамзина к «славному королю» Матьяшу.⁸²

Приведен в *Истории...* и отрывок из *Малой человитной* И. С. Пересветова (правда, Карамзин называет ее еще «мнимой эпистолой Ивашки Семенова Пересветова к Иоанну»), где тот рассказывает о «небылице» – своей службе у короля угорского Вьянуша (Ян Заполя) в Гусине (Бузине – Буде).⁸³

Естественно большое место занимает в труде писателя-историографа война Стефана Батория против России Ивана Грозного и сама его личность. Приведем лишь одну многозначительную фразу – о его смерти: «Один из

⁷³ Н. П. Огарев. *Стихотворения и поэмы*. Л., С. 224–225.

⁷⁴ Там же. С. 228–229.

⁷⁵ А. Nyerokojesickij. *Az erdélyi hadjárat orosz szemmel*. Вр., 1999. 35–36. I.

⁷⁶ Русский литературный анекдот конца 18 – начала 19 в. М., 1990. С. 236.

⁷⁷ Н. М. Карамзин. *История государства российского*. М., 1988. Кн. I. Т. 1. С. 78.

⁷⁸ Там же. Примеч. 302 к кн. I. Т. 1. С. 81.

⁷⁹ Там же. С. 82.

⁸⁰ Там же. С. 84.

⁸¹ Там же. Примеч. 5. к кн. I. Т. 2. С. 5.

⁸² Там же. Кн. II. Т. 6. С. 108–140.

⁸³ Там же. Кн. III. Т. 1. С. 176–177.

знаменитейших венценосцев в мире, один из опаснейших злодеев России, чьего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его Державу. [...] Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века: столь зависима судьба Государств от лица и случая, или от воли Провидения!»⁸⁴

4.2. В произведениях А. С. Пушкина имеется десяток мест, посвященных венграм. Тематически они делятся на четыре группы.

4.2.1. Традиционный мотив вина впервые появляется у поэта 26 мая 1823 г., когда делает запись в дневнике: «*vin de Hongrie*», т. е. свой день рождения в Одессе он отметил в компании бутылки токайского.⁸⁵

Через несколько лет в *Борисе Годунове* он вкладывает в уста Мнишека фразу: *пойдем, товарищ мой, / Венгерского, обросшую травой, / Велим открыть бутылку вековую.* (Замок воеводы Мнишка в Самборе.)⁸⁶

Косвенно сюда относится и то, как в *Истории Петра. Подготовительные тексты* он отмечает заботу царя о разведении около Азова и Астрахани венгерского винограда.⁸⁷

4.2.2. Некоторые моменты соприкосновения венгерской и русской истории занимали Пушкина в течение долгого времени.

В *Борисе Годунове* Курбский рассказывает: *Мой отец / В Волыни прошел остаток жизни, / В поместьях, дарованных ему / Баторием.* (Краков, дом Вишневецкого).⁸⁸

В *Истории Петра...* имеются записи и о других точках исторической стыковки. Так, о походе на Крым 1688 г. читаем, что он связывался с (предполагаемым) вооружением цесарцев в Венгрии и Трансильвании.⁸⁹ Неудача похода разрушила союз хана, Франции и «славного трансильванского принца Текели».⁹⁰ По арианопольскому союзу, пишет он, «хан должен был дать 30.000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусственных офицеров».⁹¹

4.2.3. Заслуживает отдельного внимания интерес Пушкина к борьбе куруцев.

Он отмечает момент исторической встречи Петра I с Ференцем Ракоци II в Яворове 17 апреля 1711 г.⁹²

⁸⁴ Там же. Кн. III. Т. 10. С. 49.

⁸⁵ А. С. Пушкин. *Полн. собр. соч.* М., 1954. Т. 6. С. 14.

⁸⁶ Там же. Т. 3. С. 264.

⁸⁷ Там же. Т. 7. С. 148.

⁸⁸ Там же. Т. 3. С. 260.

⁸⁹ Там же. Т. 7. С. 85.

⁹⁰ Там же. С. 23.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 146.

Но он обратил внимание уже и на переговоры 1707 г. Вслед за историком 18 в. И. И. Голиковым записал: «Принц Рагоцкий прислал Беречини (или Березини) [т. е. Миклоша Берчени – И. Ф.] от имени недовольных венгерцев для предложения короны царевичу Алексею».⁹³ В венгерских источниках нет упоминания о таком предложении Берчени царю на переговорах в Варшаве.⁹⁴ Голиков эту версию мог почерпнуть лишь из книги, вышедшей в Венеции, перенявшей это сведение, в свою очередь, из венского журнала.⁹⁵

Высоко оценивал Пушкин воинское мужество куруцев. Переводя многие интересные места *Записок бригадира Моро-де-Бразе*, он обратил внимание на описание героизма венгерского капитана и его солдат (из числа примерно 500 куруцев, перешедших к Петру после капитуляции на Надьмайтенском поле): бросившись в середину неприятельской конницы, со своими 12 воинами он истребил 65 татар.⁹⁶

4.2.4. Полный свод употребления Пушкиным слов «венгерец», «венгерский» (в т. ч. и «в. вино») и «стокайское» мы находим в 4-томном словаре его языка.

4.3. Переходя к Н. В. Гоголю, прежде всего напомним, что он родился на Полтавщине, в местах, где в середине 18 в. поселилась часть из тех нескольких тысяч сербов (и отчасти венгров) из Южной Венгрии, которые в 1740-50-х годах в три волны переселились на Украину.⁹⁷ Поступив на военную службу и создав т. н. Новую Сербию, они продолжали сохранять как свои языки и обычай (в том числе и названия своих прежних сел), так и многое из приобретенного в общении с венграми на предыдущей своей родине.

Будущий писатель в детстве слышал рассказы односельчан – сербов-старожилов. Их легенды, а также кое-что из языка (в том числе и обрывков венгерской эмоциональной речи) в упрощенном и трансформированном виде он использовал в своем творчестве.

4.3.1. Повесть *Страшная месть* – основной венгерский «кладезь» у писателя. Начиная с гл. XII одно за другим следуют упоминания о горах Карпатских, о Венгрии и Трансильвании, характеристика «не малолюдного народа венгерского». Он постепенно ведет к раскрывающей их смысл заключительной главе XVI, где содержится ключ к таинственным приключениям главного героя Данилы, его участию в борьбе против турок в войске князя Степана – короля польского Батория.

4.3.2. Из общения с потомками переселившихся в края его детства сербов Гоголь запомнил несколько венгерских слов, которые они «выдавали»

⁹³ Там же. С. 102.

⁹⁴ См. сноска 25, С. 113.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ А. С. Пушкин. Цит. произв. Т. 6. С. 146.

⁹⁷ Urosevics D. *A magyarországi délszlávok története*. Bp., 1969; Szakály F. *A szerbek Magyarországon*. Szeged, 1991.

в качестве всплеска эмоции или просто экзотики. Среди них были, судя по остаточным результатам, и некоторые венгерские ругательства. След двух из них отыскался в творчестве писателя: они несколько раз повторяются в отрывках из неоконченной повести *Гетьман*,⁹⁸ а также в главе из романа *Кровавый бандурист* и в комедии *Игроки*.⁹⁹

Эти образцы ненормативной речи, кстати, обнаружены нами и у других писателей постарше Гоголя. Нет сомнения, что эти «фронтовики» взяли их «в самой жизни» – на полях Отечественной войны 1812 года, в общении с венгерскими офицерами. У Бестужева-Марлинского они встречаются в перевнятом виде: их произносит русский,¹⁰⁰ Батюшков же прямо указывает именно на этот источник.¹⁰¹

4.3.3. Немногочисленные «венгерские следы» у Гоголя можно дополнить такими реалиями в *Мертвых душах*, как одежда¹⁰² (темно-синяя венгерка на белокуром попутчике Ноздрева в IV гл. 1. тома)¹⁰³ и вино (в VII гл. 1. тома на обеде у полицмейстера, когда в разгар застолья *после шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество*,¹⁰⁴ а также в III гл. 2. тома, когда у Костанжогло *нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличного питья, похожего на венгерское, Чичиков сказал хозяину так...*).¹⁰⁵ Сюда же относится сравнение им стиха Пушкина со струей столетнего токая.¹⁰⁶

Директора Нежинского лицея Я. Орлай, венгра по происхождению, он часто вспоминал в своих письмах.¹⁰⁷

5. Изложенное является, разумеется, лишь «вершиной айсберга» – вошедшее в наше обозрение составляет всего около трети материала по одному только 19 веку. К тому же, как убедился читатель, все это еще не сам «национальный имидж венгров в русской литературе», а только как бы оглавление текстов, что еще не дает возможность для сколько-нибудь подробной квалитативной оценки представленного материала.

Однако имеющиеся у нас ксерокопии всех зарегистрированных текстов позволяют сформулировать хотя бы самым общим образом главный

⁹⁸ Н. В. Гоголь. *Собр. соч. в 5 т.* М., 1960. Т. 3. С. 347, 378, 381.

⁹⁹ Там же. Т. 3. С. 347, 378, 381; Т. 4. С. 326.

¹⁰⁰ А. А. Марлинский (Бестужев). *Наезды. Повесть 1812 года.* СПб., 1912. С. 97.

¹⁰¹ К. Н. Батюшков. *Письмо Н.И. Гnedичу, 30. X. 1813 г.* // Избр. проза. М., 1987. С. 344.

¹⁰² Венгерку в этом значении (куртка с нашитыми поперечными шнурами) встречаем во многих литературных произведениях от Бестужева-Марлинского через Лермонтова до «Войны и мира». Названия одежды, заимствованные из венгерского типа *доломан, кунтуш, ментик*, документацию (в т. ч. и литературную) которые с почти передельной полнотой дает А. Холлош (Hollós A. *Az orosz szókincs magyar elemei*. Вр., 1996.), здесь не рассматриваются.

¹⁰³ Н. В. Гоголь. *Собр. соч. в 7 т.* М., 1978. Т. 5. С. 60.

¹⁰⁴ Там же. С. 144.

¹⁰⁵ Там же. С. 426.

¹⁰⁶ Hollós A.. Цит. произв. С. 60.

¹⁰⁷ *Письма Гоголя.* СПб., 1902. Т. 7. Письма № 15, 23, 24, 41, 42, 48, 49, 53.

вывод о качестве создаваемого в русской литературе первой половины 19 в. национального имиджа венгров и Венгрии.

Этот имидж безусловно и почти на сто процентов положителен, «недостающие» же проценты в картине восходят к апологическим по отношению к царизму выступлениям 1849 года (см. сноски 65–67) и к оценке Иштвана Батори. Насчет последнего, однако, необходимо напомнить обобщение Карамзина по поводу его смерти (сноска 84).

Подробные выводы об имидже венгров в зеркале русской литературы всего изучаемого нами тысячелетия можно будет сделать лишь в ходе дальнейшего тщательного целевого изучения собранных текстов писателей.

Первым условием такого тщательного изучения должно быть а) издание библиографии наших данных как в виде книги, так и на компакт-диске, б) публикация всех выявленных нами текстов в многотомной серии источников, а также и на компакт-диске (на данный момент в нашем распоряжении – ксерокопии уже свыше 3,5 тысяч страниц выявленного текста).

Причем мы считаем: если первые фазы работы – сбиение фактов, а также редактирование библиографии, а отчасти даже серии источников – еще могли/могут быть проделаны в одиночку, одним человеком, но дальнейшая работа должна вестись уже целым коллективом специалистов по отдельным периодам и писателям, поскольку она предполагает хотя бы следующие основные направления:

а) литературоведческое освоение каждого из найденных «венгерских следов», установление его места в творческой биографии автора и освещение роли данного «венгерского произведения» в его творчестве,

б) показ исторического формирования представлений русского народа о нас через свою литературу в отдельные периоды, выявление характерных особенностей содержания отдельных отрезков времени.

В результате проведенной таким образом работы и начнут вырисовываться контуры собственно национального имиджа венгров и Венгрии в русской литературе.